

ЛЕГЕНДА,

связанная съ двумя остяцкими идолами изъ коллекціи „принадлежностей шаманскаго культа“ въ Тобольскомъ Губернскомъ Музеѣ.*)

(Сообщилъ Л. Е. Луговскій).

Въ этнографическомъ отдѣлѣ Тобольскаго Музея, въ витринѣ „принадлежностей шаманскаго культа“, находятся два небольшихъ камня, ничѣмъ, кромѣ нѣсколькой странной формы, не привлекающихъ къ себѣ вниманія посѣтителей. Одинъ изъ этихъ камней представляетъ собою плоскую плитку кварца, толщиной въ два сантиметра, округлой формы (20,5 сант. по окружности), напоминающей нѣсколькой очертанія черепа, а другой—окатанный, длиною 11,2 сант., трехгранный кусокъ полевого шпата, клиновидно-призматической формы (21,7 сант. въ обхватѣ), съ прожилками кварца, при чемъ рисунокъ сѣти этихъ прожилокъ вмѣстѣ съ формой камня придаютъ ему нѣкоторое сходство съ головой (гигантской) лягушки. Посѣтители Музея, если не остановятъ ихъ вниманія на этихъ вещахъ, обыкновенно даже не замѣчаютъ ихъ, между тѣмъ какъ съ этими камнями, служившими домашней святыней одного остяцкаго рода, связана интересная въ этнографическомъ отношеніи легенда о ихъ происхожденіи.

Вотъ эта легенда въ пересказѣ и съ поясненіями жертвователя Н. А. Блинова.

*) Принесены въ даръ Тобольскому Музею въ 1889 г. Н. А. Блиновымъ, нѣсколько лѣтъ прожившимъ въ сѣверныхъ округахъ Тобольской губерніи. Блиновъ получилъ ихъ благодаря близкому знакомству и за особую, по предварительному уговору, услугу (а именно—за написаніе прошенія) отъ остяка Асынкина изъ Асынкиныхъ юртъ Локосовской волости, Сургутскаго округа, лежащихъ выше Сургута въ 50 верст. по Обской протоцѣ Покамасъ (Покымъ-Азъ). Идолы помѣщались въ переднемъ углу юрты Асынкина и имѣли „приклады“ (приношенія): шкурку лисицы, нѣсколько соболов, нѣсколько десятковъ бѣлокъ, большое черное кольцо, увѣшанное лентами и т. п.

Въ трехъ верстахъ ниже Бѣлаго Яра (пристань у Сургута), на мысу, жилъ нѣкогда богатырь Ойка (Ойка-уртъ) съ дочерью дѣвушкой, а около рѣчки Черной на Никитиномъ хребтѣ жилъ другой богатырь. Богатыри эти были стражами, такъ называемаго теперь, Поганого болота (озера) и покровителями окрестныхъ жителей, которыхъ они защищали отъ набѣговъ остяцкаго же племени Хорумъ-юги (т. е. народа съ рѣки Хорумъ) и богатства которыхъ, спрятанныя въ серебряномъ облазѣ среди Поганого болота, они сторожили. Когда дочь Ойка-уртъ подросла, Никитинскій богатырь сталъ свататься за нее, но безуспѣшно: отецъ ни за что не хотѣлъ выдавать свою дочь замужъ. Богатыри поссорились, и Никитинскій богатырь сталъ изыскивать средства такъ или иначе добыть дѣвушку. Онъ обратился за помощію къ шаману, и тотъ посовѣтовалъ ему принести жертву подземному богу Муфили-Турмъ¹⁾ и умилостивить его „прикладами“. Никитинскій богатырь исполнилъ велѣнія шамана, который и обѣщалъ ему, что Муфили-Турмъ наплетъ на Ойка-уртъ болѣзнь, когда тотъ будетъ проходить въ извѣстномъ мѣстѣ. Отправившись на это указанное мѣсто въ извѣстное время, Никитинскій богатырь сталъ поджидать прохода Ойка-уртъ, чтобы лично удостовѣриться въ его гибели.

Но когда Ойка-уртъ сталъ приближаться къ зараженному мѣсту, вдругъ изъ болота выскочила лягушка²⁾ и пожрала заразу,

ные жителями Асыкинныхъ и сосѣднихъ юртъ, собиравшимися на поклоненіе идоламъ (жертвенныя пляски), хранились въ особомъ ящикѣ и остались во владѣніи Асыкина. (Имя этого Асыкина Блиновъ забылъ, хотя и помнилъ, что сына его звали Львомъ Ивановичемъ, но послѣднее обстоятельство не даетъ нужнаго указанія, такъ какъ остяки постоянно „величаютъ“ другъ друга не „по отцу“, а производно). При передачѣ идоловъ во владѣніе Блинову Асыкинъ рассказывалъ ему, по его просьбѣ, связанную съ ними легенду.

1) Подземный остяцкій богъ Муфили-Турмъ—богъ болѣзней, который онъ насылаетъ на скотъ, заражая какимъ-то образомъ траву на пастбищахъ, и на людей,—заражая воздухъ въ извѣстномъ мѣстѣ. Когда человѣкъ коснется зараженной полосы воздуха, онъ заболѣваетъ, а когда совсѣмъ прорѣжетъ эту полосу, то заболѣваетъ смертельно и умираетъ.

2) Лягушки у остяковъ считаются святыми и неприкосновенными, какъ таковыя. Ихъ миссія заключается въ томъ, чтобы пожирать траву, зараженную

а Ойка-уртъ прошелъ невредимымъ. Никитинскій богатырь съ яростью бросился на лягушку и мечемъ *отсекъ ей голову, которая и окаменѣла, какъ голова святой твари.*³⁾ Убивши лягушку, Никитинскій богатырь бросился къ жилищу Ойка-уртъ, чтобы въ его отсутствіе силою овладѣть дѣвушкой, но та, слышавши его приближеніе, ударила въ бѣгство, схвативши на руки и своего ребенка (откуда этотъ ребенокъ—легенда не объясняетъ). Богатырь погнался за нею и, когда уже былъ готовъ схватить ее, она увернулась въ сторону, а богатырь поймалъ за голову ребенка, которая только, оторвавшись, и осталась у него въ рукахъ. *Голова эта тоже окаменѣла, такъ какъ и ребенокъ былъ святой.*

Такимъ-то образомъ и произошли эти два идола: окаменѣлая голова лягушки и окаменѣлая голова ребенка—камни, дѣйствительно, при нѣкоторомъ усилии воображенія, оправдывающіе своей формой присвоенныя имъ остяками значеніе и наименованія.

Муфили-Турмомъ, и поглощать изъ воздуха напущенную имъ заразу. (Не на томъ ли основано это повѣрье, что лягушекъ постоянно можно видѣть на охотѣ за мошками и комарами, при чемъ онѣ подпрыгиваютъ вверхъ съ открытымъ ротомъ?).

3) Особенная святость этой лягушки, по мнѣнію остяковъ, подтверждается бѣлизною ея крови (что служить у нихъ признакомъ святости и другихъ животныхъ и людей: чѣмъ свѣтлѣе кровь животнаго, тѣмъ оно болѣе безгрѣшно), которая въ застывшемъ и окаменѣвшемъ видѣ усматривается въ мѣстѣ отсѣченія головы (кристаллы кварца, вкрапленныя въ общую массу полевого шпата).